

Фердинанд Фингер

ЛЮБОВЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Пятьдесят три года вместе

Фердинанд Фингер

Любовь длиною в жизнь

«Автор»

2010

Фингер Ф.

Любовь длиною в жизнь / Ф. Фингер — «Автор», 2010

Эта книга подводит определённый итог творчества автора за последние годы.

© Фингер Ф., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Записки эмигранта	5
Приходите	7
Честь	8
Шестнадцать	10
Неужели в никуда	11
Прелестница	13
Малина	14
Любовь в тринадцать лет	16
Капель	18
Воспоминания	20
Родник	21
Смешная история. Быль	22
Немножко о быте	24
Люстра	27
Наши будни	31
Неспетая песня «Ветераны»	36
Пожелание – жене	41
Хочу вернуться	43
Угрызения совести	45
Водоплавки. Водомерки	47
Щепка	49
Ирония жизни	50
Признание в любви	52
Звучание романса	53
Облака воспоминаний	54
Льстивые слова	55
А. Керн	56
В поход	61
Повозка жизни	62
Мгновения любви	63
Похвала лжи	65
Похвала зависти	68
Похвала гордыне	70
Похвала лести	72
Птичий рынок	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Фердинанд Фингер

Любовь длиною в жизнь

Записки эмигранта

Дорогой жене и сыну Георгию посвящаю

*Устал–устал – устал писать стихи.
Но Бог не позволяет отдохнуть немного,
Опять ночами в нетревожимой тиши,
По камням острым босиком в дорогу.*

22.06.2010.

Посвящается эмигрантам трех поколений

*Всем павшим и живым, подарившим нам жизнь и свободу в борьбе
с фашизмом*

**Verlag Terterian
Postfach 50 06 08
80976 München
Tel.: +49-89-500 94 813
Fax: +49-89-420 95 22 77 9
E-Mail: zeltung@germaniaplus.de
www. germaniaplus. de**

Фердинанд Фингер

Приходите

Приходите в мой дом, я открою вам двери,
Для людей дорогих он открыт навсегда.
В нем вам будет тепло, здесь не будет метелей,
Тех, что в жизни бывают, когда с вами беда.

Вас участием своим привечу, обогрею,
И от доброй души постелю вам постель.
Напою, накормлю, будет вам веселее.
Серебрящую голову прогоню я метель.

За бокалом вина позабудем тревоги,
Пожелаю я всем тишину и добро,
Выпью чарку за всех, кто устал по дороге,
За заблудших и падших приносящих нам зло.

Как и все, не святой, но хочу ближе к Богу.
И свои прегрешенья отмолить за года.
И за право мне жить изберу я дорогу,
Чтоб чрез десять ступенек мне подняться туда.

И когда призовет, что когда-то случится,
Сверху взглядом своим буду вас провожать
И желать вам добра и молиться, молиться,
Чтоб Господь вам с небес ниспослал благодать.

19.02.2010

Честь

Н. С. Михалкову

Мы уезжали навсегда, нас изгоняли из России
По морю голубому на последнем «белом» корабле.
Мы проиграли, нас расстреливали, не щадили
Большевики, оставшиеся на любимой стороне.

А ненавидели и не щадили, не любили,
Так это те, кто церкви рушил, разбивал колокола,
Те, убивающие у народа душу, те, кто веру истребили,
Вторично гвозди вбили в руки у Христа.

Безбрежна моря гладь, лишь преданы дельфины,
Плывущие у носа убегающего корабля.
А лошади, что провожали с седлами на спинах,
Расстреляны лежат на дне, хозяев душу утопив, как якоря.

От запаха родной израненной земли
У изгнанных не будет голова кружиться
На траву непокошенную Родины они
С любимыми не смогут опуститься.

Ведь, вроде, счастье, все, конец – живые.
Уж никогда и никого не надо убивать,
Душе их облегченья нет: покинуть Родину – Россию,
Ведь это все равно, что сердце разорвать.

Вот шестьдесят прошло с минуты этой страшной.
Я в старческом уютном доме нахожусь,
Что у Нью-Йорка, вижу тех людей бесстрашных,
Их потрясающую Богу преданность я узнаю.

И в разговорах с ними интересных, бесконечных
Я вижу Родины моей ушедшую судьбу.
Под звон пасхальный колокола благовестный
Рассказы их о прошлом слушаю, слезы я не таю.

Под восемьдесят пять тем «белым» офицерам,
И в них живет Россия, что жила и умерла.
Они герои, воевавшие в движении «белом»,
В народной памяти их подвиги всегда.

Возрадуйтесь, живые и умершие, во славу Бога!
Ведь в вашу честь звонят в Москве колокола,
А в небесах душа защитников свободы,

И ваша честь, как чаек белые крыла.

И будет назван русский город словом Капель,
Стоять и красоваться будет город под названием Колчак,
И строй кадетов нам живым вдруг зазвучит чеканным шагом,
Все будет – Бог велик, да будет так.

И в голубом просторе моря, уплывая,
Корабль «белый», тот последний, не исчезнет без следа.
Пусть потихоньку в дальней дымке исчезая
В сердцах живущих остается навсегда.

Смотри, вот, строй за строем мертвые с живыми
По Красной площади проходят, как тогда, в те времена.
Прославлены теперь по всей России
Кадеты русские, их героические имена.

01.01.2010

Шестнадцать

Два года минуло с тех пор, когда я юность повстречал.
Цветком полурасцветшим было ей шестнадцать.
И долгие два года с трепетным волненьем ожидал,
Когда он расцветет любовью, может в восемнадцать.

Прошло два года, и ее я повстречал.
Она явилась воплощенной мечтою.
Которую я с нетерпением так долго ждал,
Настал тот миг – она передо мною.

Как слышим мы биение воды ручья
Под коркою прозрачной льда перед весною.
Вот так в крови моей горячая струя.
Любви забила той чудесною порою.

Заботы прочь! Волнением душа
Взлетает ввысь, и птицей быстроскрылой Лечу!
Мне счастье дарят голубые небеса.
В любви сгораю я от взгляда милой.

Сбылись мои мечты – она меня ждала.
Она ко мне испытывала те же чувства,
Которые два долгих года мучали меня,
Кружили голову до безрассудства.

Но так случилось той господнею стезей,
В любви нам данной богом мы идем и в солнце и в ненастьи.
Шепчу ей: «Ты моя!». Она мне шепчет: «Мой!».
В словах бессмертных этих счастье.

03.02.2010

Неужели в никуда

Как в «никуда» летящую планету
По правильной орбите запустить?
Туда, туда, к потоку солнечного света,
Где людям можно в радости и счастье жить.

Как сделать, чтобы слово в «никуда»
Нас не бросало в дрожь и не охватывало страхом?
Четыре миллиарда лет летит земля, но вот беда,
НАМ кажется, полет окончится ужасным словом – Крахом.

Наверно, если взять все население земли
Шесть с половиной миллиардов нас, в грехах погрязших.
Да с черствой коркой, что покрыла суть души,
То нам не просто сбросить эту накипь в жизни преходящей.

Загадкою таинственной средь мириада звезд
Невероятнейший подарок «Абсолюта»
Плывет земля, но не кометой, оставляющею хвост,
А колыбелью жизни, воплощением уюта.

Но «что имеет, то не ценит» население Земли.
Голубизну воды и зелень разнотравья,
Потоков солнечного света и природы красоты,
Не ценят люди, разрушая библейское задание.

Ну даже «слон в посудной лавке» не наделает того,
Что мы творим с природой в одночасье
Ведь не поправить нам всего того,
Тот сук срубили, на котором мы сидим – к несчастью.

Черт побери, уж лучше в никуда неслась земля.
Да без людей измучивших и искалечивших природу.
Ведь человечеству грозит бесчеловечная война
За воду, воздух, пищу, личную свободу.

И в этой вот братоубийственной войне
Погибнут в муках миллионы миллионов.
И прах от тел развеется по всей земле
За нарушение извечных божеских законов.

И если все исчезнут люди на земле,
От войн и экологии ужасной,
Природа отдохнет и восстановится во всей красе.
Через сто или двести станет вновь прекрасной.

Невиданною красотой лесов, течением кристальных рек,
Где чистый воздух переполнен птичьим звоном.
Где все, что уничтожил человек,
Природа восстановит Божеским законом.

Ну что творенья божие! Так дальше будем жить?
В плохих жилищах, в мусоре и вони?
Иль попытаемся спастись, все изменить,
И душу вечную спасти от разложения и зловонья.

На плесневую корку сходит человечество подчас,
Которая планету в спазмах душист,
Где секс, разврат с экранов каждый час,
Оно ведь собственную колыбель разрушит.

А нужно-то всего: не грабь, не убивай,
И не желай чужого от соседа боле.
Что ты себе желаешь, то и ближнему желай,
Считай единым Бога и гуляй себе на воле.

Но бесполезно уж писать и прозу и стихи,
Процесс идет как рак неоперабельный, необратимый.

Для человечества конец на этом гибельном пути.
Творец лишь может тот процесс вдруг сделать обратимым.

Нам надо дальше жить средь жизни передряг
И в вере в Бога уважать, ценить друг друга.
А то придется всем тонуть, как утонул «Варяг»,
На дно уйти, и по тебе слезы уж не прольет подруга.

04.02.2010

Прелестница

Какой-то тайной неизвестной
Прелестница всегда окружена.
С своей обманной внешностью чудесной
Снаружи женщина, внутри змея.

Какая тайна, что за кокон,
Внутри которого скрывалась она,
И как до той поры запрятала чудесный локон,
Которым соблазняет нас, друзья.

Как гусеница в коконе потайно,
Скрывалась она до той поры
И бабочкой чудесной не случайно
Вдруг вылетела, а внутри была душа змеи.

Не обольщайся, милый друг, не обольщайся.
Когда такую бабочку в сачок поймал,
Любуйся издали, но к ней не приближайся,
И дай то Бог, чтоб ты укусу змеи не испытал.

05.02.2010

Малина

Малина. Вечер, в тишине стоящей.
То туз ложится на шершавый стол, то дама пик.
И в колебании света от свечей горящих
По стенам тень воров, играющих не матерный язык.

Особый разговор, вора присущий,
Отрывистый и тихий он, без громких слов,
И взгляд на карты бегло их бегущий,
И замечанья непонятные для фраеров.

Сегодня за столом серьезнейший народ,
Собрался, чтоб решить сложнейшие вопросы.
За окнами осенний ветер, дождь косой.
Качаются березок плачущие косы.

Легавым в жизни домик не найти,
Стоит тот домик в деревеньке на природе,
И нету вертухаев здесь на вышках позади¹,
Вот и играют воры на свободе.

Марухам² места нет при карточной игре,
Ну водочки подать, да поднести съестного.
Ведь так положено, при пахане не быть жене,
Живет он без семьи, таков закон, такое слово.

А обсуждают не простые там дела,
Ведь не шестерки собрались по фене ботать³.
Здесь медвежатники⁴ – скачок – солидная игра⁵
На государство замахнулись, надо головой работать.

Ты государство лучше не «замай»
В «сизо» не отсидишься, – тут за это – вышка.
«Бушлат схлопочешь деревянный»⁶, так и знай,
Ну ты и думай, если хочешь жить, парнишка.

Ведь неудачно сейф разворишь – «кирдык»⁷.
И где-то мать старушка, по сынку заплачет,

¹ Вертухай – охранник

² Марухи – молодые любовницы

³ По фене ботать – воровской разговор

⁴ Медвежатник – взломщик сейфов

⁵ Скачок – грабеж

⁶ Бушлат деревянный – гроб

⁷ Кирдык – конец

Играют молча, в думах, прикусив язык,
На фарт быть может все пройдет, удачно.

Как жалко этих мне заблудшихся людей,
Они на воле меньше половинки погуляли.
В стране так много смертных лагерей,
Где «фитили»⁸ внизу, а сверху «кум»⁹ – не знали?

Уж лучше бы в атаку, в смертный бой,
Хоть пулю ты в лобешник получай, но с толком,
А здесь за просто так, хоть волком вой.
Ведь расстреляют, по соседям кривотолки.

Но ничего здесь не поделаешь – судьба.
Одних ведет к созданию красоты, других к разбою.
Одним свобода, солнце, а другим тюрьма,
Ну раз решил, пребудет Бог с тобою.

06.02.2010

⁸ Фитили – доходяги от голода

⁹ Кум – лагерный начальник

Любовь в тринадцать лет

Любовь – Любовь! В тринадцать детских лет.
Она нас посещает к счастью иль несчастью.
Она как ручеек чиста и непорочна, словно божий свет,
Она нам ранит сердце глубоко и ежечасно.

Московский двор мне видится вдали,
В туманные года давно ушедший,
Мальчишка смотрит на одно из окон, там внутри
Девчонка, что недостижима в любви пришедшей.

Как безответна детская любовь всегда,
Она мираж лишенный основания,
Ведь все, что ощущает детская прекрасная душа,
Все это не ко времени и к полному непониманью.

Какою легкомысленною кажется она.
Однако в ней заложена такая мощь и сила,
Воспоминаниями сердце рвет она, хоть и седая голова,
О, если бы Господь вернул мне все, что было.

Чтобы я мог часами пред окном стоять,
Не понимая, что волнует, что желаю,
Ведь невозможно плод от дерева сорвать,
Который лишь цветком в начале мая.

Ну слезы, что не можем мы пожать плоды любви,
Хотя любовь пришла так чувственно, прекрасно,
Ну не ко времени она, хоть в крик кричи,
И проявляется, чтоб за косичку дернуть понапрасну.

Внучка с бабушкой – моей женой. 2010 год.

Таинственностью нас волнует та любовь,
Когда стоим мы в старости перед порогом,
Она так девственна была, так волновала кровь,
И не могла быть изгнана из рая Богом.

Живет пусть вечно трепетная та любовь,
Которая как солнце детство освещает,
И пусть седая голова, нам сердце вновь и вновь,
Прекрасную пору прошедшую напоминает.

06.02.2010

Капель

Капель, вот слово, тайну, что скрывается внутри,
При всем желании так просто не отыщешь.
Ты выходи на улицу скорее выходи,
И тайну слова там воистину услышишь.

В таком простом звучании слова скрыта красота,
Которая, ну как-то стерлась в долгом ожидании.
Когда пройдет холодная пора,
Которая покрыла землю белым одеянием.

С ее приходом начинается весна,
Не только лишь снаружи за окном,
Нам в душу вдруг врывается она.
Цветком подснежника под ярким солнцем.

Какая сила эта самая капель,
К любви заложена там потрясающая тяга.
Она ведь корку льда пробьет в весенний день,
Росточком нежным, а потом цветком ко благу.

Ростки любви вдруг вырастают, как из ничего,
Вдруг из души с особой силой вырастают,
И превращаются в цветы и это ведь не все,
Капель бриллиантовыми стразами все в сказку превращает.

Нам гением шопеновским звучит она,
Шопеновской из под руки капелью звуков,
С сосулек голубых стекает вниз вода,
И сердце бьется в нас с особым стуком.

Так стук призывный издают тетерева,
Возрадуясь весне и по любви тоскуя,
Капелью вызвана любовная тоска,
С соперниками затевают драку, жизнь потерять рискуя.

Капель врывается любовью внутрь тетеревов,
В круженьи головы они охотника не замечают.
А он вплотную к ним подходит, убивая их любовь,
Убитую любовь в крови со снега поднимает.

Так вот какая ты капель – волшебница-капель.
Как кисть художника картину жизни украшаешь.
И волшебством тревожишь душу целый день.
В просиненный весенний день ее ты возрождаешь.

Так и звени, вызванивай весенний день.
И радуй слух как гимн божественной природе.
Она готовится к Весне, почувствовав капель,
Которую не перестанем слышать мы в осенней непогоде.

07.02.2010

Воспоминания

Храню в воспоминаньях тихий теплый вечер
И над водою лунный свет натянутой струной.
Тот час волшебный с соловьиной песней
Из ивняка летящей трелью над рекой.

Я молод был тогда и был кому-то нужен,
И кто-то рядом был тогда со мной.
Я с жизнью и любовью так был сдружен,
И мне казалось дружбу не разлить водой.

Прошли года, и с шумной птичьей стаей
Куда-то улетела молодость моя,
И в старости зима на голову мне снег бросая,
В пустыне жизни вдруг оставила меня.

Стою один, уж наступает вечер,
Кому-то я не нужен и кого-то нет со мной,
Вывеивает желтый лист бродяга ветер,
И ивняки молчат без соловьев над тихой рекой.

Но все вернется вновь, над тихой рекою.
Кому-то буду нужен я, и кто-то скажет мне:
«Люблю тебя! Я буду век с тобою,
Средь соловьиной трели в ивняке».

Надежда умирает жертвою последней.
Топор навесил над последней жертвою палач.
Но не убить любви, божественной, бессмертной,
Так что люби и верь, надейся и не плачь.

08.02.2010

Родник

Хочу увидеть я исток ручья
Средь леса бег его потайный,
Куда течет дорогой дальней
Через леса, через поля.

Его журчащая струя
Под голубыми небесами
Так радует нас чудесами,
Блаженным отдыхом маня.

Форели перламутровым бочком
В ручье среди камней играют,
Стрекозы синие летают,
Шурша прозрачным крылом.

Сплетаясь кроны сводом в тишине,
Любуются своею красотой,
И наслаждаясь неба высотой,
Летают птицы в солнечной голубизне.

А там – там, где-то впереди
Уж нет того ручья течения,
И смотрим мы с благоговеньем,
На мощное течение реки.

Вот так и наша человеческая жизнь,
Почти из ничего из капельки рождаясь,
Из ручейка вдруг в реку превращаясь,
Ведет нас смертных к Богу ввысь.

И выходя из этой капли гений
Всех одаряет той извечной красотой.
Как Микельанджело средневековой стезей,
Являл собой необъяснимое явление.

Так будь благословен таинственный родник,
Дарящий нам реки безбрежность,
И освежающую свежесть – тому,
Кто в благодарности к тебе приник.

10.02.2010

Смешная история. Быль

Ковыль степной, зачем печалью гнешься
К могиле не глубокой за твоей спиной,
Не жди – от смерти справедливости ты не дождешься,
Но промахнулась смерть, солдатик тот не твой.

В поклоне не испросишь для него прощенья,
Команда «пли!» и ты уж не живой,
А только лишь за то, что высказал сомненье,
Что так уж важен завтрашний смертельный бой.

Ну, сдуру ляпнул, в «Смерш» доставлен,
Коротенький допрос и все, ну что сказать,
Он не советский, враг он настоящий,
Прочитан приговор, расстрел, «ебена мать».

Недоумение в глазах: «За что? Помилуй!»
Ведь пол-войны провоевал солдат-герой,
Мечтал с медалькою с войны, да к милой,
А получилось по приказу «хренотень», не свой.

Стоит он на краю, случилось сказочное чудо,
Зачитывают Рокоссовского приказ,
Пусть в бой идет, «Ну поживем покуда,
Война уж не страшна, хоть жив сейчас».

А раз помиловали, значит пожалели,
Расстрельщик преподнес сто грамм,
Ну дернули за то, что жив «Емеля»,
Эх жалко водки мало, черт ее побрал.

Раз не расстрелян, дальше поживем.
Не зря же всю войну таскал трехрядку,
«А ну тащи ее сюда, частушки поорем,
Да с матерком для пущего порядку».

У «Смершевцев» глаза повылезли, ну вот,
Сам Рокоссовский спас, а это им наука,
Попробуй-ка послушайся, получишь пулю в лоб,
Своих расстреливать не будешь, вот такая штука.

Теперь-то что войны солдатику бояться?
Ведь завтра бой, строчащий пулемет.
Назавтра может кровью будешь захлебаться,
А может ничего не будет, будет все наоборот.

«А, может, завтра не помру, дадут звезду героя,
Сам Рокоссовский вдруг приколет мне,
Всех, кто расстреливал меня – урою,
Расстрел-то был на деле – не во сне».

Мечты-мечты, где ваша сладость,
Бывают, что сбываются, ну посмотри подряд,
Три танка подожженные солдатом,
Горят фашистские собаки, факелом горят.

Молчал иуда «Смерш», когда герою
Сам маршал золотую звездочку вручил,
Небось завидно, что не своему – чужому,
Господь солдатику с наградой подсобил.

Истории конец – конец военной были,
А вывод, что не бойся, не надейся, не проси.
Господь все знает, видишь о тебе не позабыли,
Иди вперед герой, дыши, живи, люби!

11.02.2010

Немножко о быте

Москва, какой-то дикий непонятный диссонанс
Рассек единство между городом и москвичами.
В каком-то «Молохе» проходит жизнь сейчас,
В борьбе за выживание, ну чистое «Цунами».

Ну прежде выживали кое-как и вроде нипочем.
В послевоенные года в разрухе и печали,
Теперь уж двадцать первый век в Москве, причем.
Мы нанотехнологию в помощницы позвали.

А толку что, ее ведь с кашею не съешь,
Не жизнь кругом, одни обманы,
Смотрите рыба тухлая, а вид так свеж,
Как будто бы ну только что из океана.

А рыбка-то не свежая лежит перед тобой,
В ней жабры тухлые, мы акварельной краской,
Надуем с химией водичкою простой,
А чешую просушим и подклеим, вот вся сказка.

И глаз у бедненькой починим, не беда.
И маслицем его где надо смажем,
А изнутри водой надуем, ведь на то игла,
Не будет как живой, живым блестеть прикажем.

Ну рыбка на прилавке, просто красота!
За что тухлятину едим, не знаем сами,
Мошенники кругом, а санитарный враг подмазан как всегда
Управа городская «неподкупная» все время с нами.

И так во всем, куда москвич не ткнись,
Лекарства, пища – чистая подделка,
Не вздумай жалобы писать, заткнись,
В подъезде «крышу» молотком – вот вся безделка.

О замороженных продуктах и не говори,
Они опасней атомного взрыва.
В консервах дрянь – внимательно смотри,
Хотя на вид оберточка красивы.

Красиво выглядят московские дома,
А диллеры, ну вообще, которые их предлагают,
Пижон нотариус, прикид у адвоката – ну дела,
А сервис, вообще, – ну точно дело знают.

Ты предоплату наш любезный заплатил,
Так «пустяки» десятку тыщ зеленых,
И можешь праздновать, гулять и пить,
Придет твоя квартира в день определенный.

А времечко идет, звонишь, как идиот...
Но фирмы нет, вдруг обанкротилась случайно,
И за бугром нотариус и адвокат живет,
А ты уж бомж, хотя сопротивляешься отчаянно.

Здесь все не пустяки, а новая беда.
Капитализм свирепствует со страшной силой,
Машинами так переполнена несчастная Москва,
Что плюнуть некуда, и даже если б попросили.

А пробки, ведь для пользы, в них и отдыхай.
Работа ведь не волк, и в лес не убегает,
Сиди да слушай радио, мечтай,
А кто не знает пользы пробок, ничего не понимает.

Везде мошенники, их просто тьма.
Они как блохи кошку окружили человека,
Он бедолага сбрасывает их с себя,
Они назад, ну не приручишь их от века.

Такие времена, за продуктовой сумкою следи.
Ну вышел только что из магазина,
Глядь, гастарбайтер безработный позади.
Рывок – от сумки только ручка, вот такая сила.

Не вздумай денежки прилюдно разменять.
В обменном пункте глаз положен так как надо.
Ты выйдешь, денежки тю-тю, тебе их не видать,
Они мошеннику намного более нужны, эх бедолага.

На улице разбой – ГИБДД.
Ведь остановят ни за что и денежки изымут.
А не отдашь – права отнимут навсегда,
И если не по ихнему, ну что-нибудь предпримут.

А самое там страшное – подкуплен суд,
Не только он подкуплен, там и смертью угрожают.
Сейчас ты судишь, завтра сам пойдешь под суд,
И под асфальт возможно закатают.

Вся жизнь в Москве как белка, загнана в капкан,
В котором голову иль лапу потеряет,
Вот и хитрят, искручиваются змеей напополам,
Как выжить в той отравленной среде, не понимаю.

По ипотеке аж 14 % – просто срам!
До кризиса работал – было все в порядке.
Сейчас работы нет – не скажешь «не отдам»,
Как дальше жить, одни загадки.

Сырье распродаем задаром – почему?
Достойного продукта мы не производим.

Ведь скоро Родину опустошим свою,
Пропили, продали, от безнадеги волком воем.

Коррупция и подкуп расцвели везде,
Цветами ядовитыми по всей России.
А право телефонное!!! Покоя нет нигде.
Куда исчезла вдруг непобедимая России сила.

Звонок, герой-солдат – все восемьдесят пять,
Без страха дверь квартиры открывает,
Ограблен и убит Герой, ну что сказать,
Вот так «ни за понюшку табаку» защитник погибает.

Пишу, слеза стоит в моих глазах,
Мечусь как белка в колесе – ну что поделать.
Ну сколько можно дальше жить в потьмах,
Где Бог? Где Вера? Где Любовь? Ну ничего не сделать.

Пройдут года, Россия выживет, и выживет народ,
Но только при одном условии, при Вере в Бога.
Неправда, ложь, все это временно – Господь,
Укажет Родине, где вечная и верная дорога.

13.02.2010

Люстра

О Швеции мы вспоминаем иногда,
Когда с женой глядим на нашу люстру.
Как далеко то время, северные города,
И нам становится немножко грустно.

В местечке шведском маленьком давно
Мы набрали на антикварный магазин случайно,
Нам делать было нечего, но все равно,
Решили заглянуть и встретились с необычным.

Необычайной красоты висела люстра там,
На тридцать две свечи, не предназначена для тока,
Ровесница Петра, пузатые комоды по своим местам,
Ну пусть у нас весит, решили – с ней не будет одиноко.

Какая-то необъяснимая виньеточная красота,
Таилась в позолоченной переплетенной вязи,
Казалось в рококо игре – тончайшая игра,
Ты заслужила, чтобы под тобою танцевали князи.

При весе в шестьдесят как балерина невесомая была,
Казалось воздухом пронизана и так прекрасна,
С богемскими хрустальными подвесками она,
Искусством вечным взволновала не напрасно.

Подвесок двести там, такую красотой,
Бриллиантовыми бликами сверкая,
Под солнечным лучом, над нашей головой,
Нам глаз и душу звоном улаждая.

Не понимаю, сколько же любви потрачено людьми.
Чтобы отлить ажур, хрусталь волшебный выдуть,
Без суеты всегдашней, без напраслины, возни,
Искусством через сотни лет, наш кругозор раздвинуть.

Дорогая Швеция! Смотрим на люстру и вспоминаем тебя. Люстра, которую мы купили в Швеции. Сделана в 1725–1740 гг. без проводки электричества. Оригинал. О ней написан стих «Люстра». 2002 год.

Версаль Людовика пятнадцатого времена,
Там бабочками в кринолинах женщины танцуют,
И освещают менуэты наша люстра не одна,
С подругами, все в хрусталях ликуют.

Прошли года, в Париже русский победитель царь.
Без люстры без одной французы не заплачут,

«Давай снимай, в Россию отправляй, не осерчает государь,
Пускай в Москве висит, здесь мы хозяева, а это что-то значит».

А вот Москва, все тридцать две свечи горят,
Танцует Пушкин, девушки кружатся,
И их глаза о счастье говорят,
Жизнь бесконечна, можно счастьем наслаждаться.

Сто лет прошло и в зале том большевики,
«Эй, Васька, маузер тащи – сосульки постреляем!»
Ну попалили, сорока висюлек нет, смеются от души,
Буржуйам для отстрастки, трехлинейной лампы ведь они не знали.

Ну вот такой досталась при покупке нам она
Без сорока отстрелянных привесок.
А ведь без них какая красота?
Красивейших из хрусталя подвесок.

Бежал хозяин дома, люстру разобрал,
Над ней три дня корпел, в России не оставил.
Искусство варварам предать не пожелал,
Посылками на Швецию направил.

А там под ней никто не танцевал,
И не расстреливал хрустальные подвески,

Все восемьдесят лет о ней никто не вспоминал,
Пока мы в антикварный не пришли в тот – шведский.

Купили, в специальный ящик – прямо в дом,
Два метра шестьдесят – «высокий потолочек»,
Ну дырку просверлил под чердачком,
Повесил, не дворец, и выглядит не очень.

А главное – нельзя зажечь свечей,
Ведь электричества красавица не знает,
От жара при таком-то потолке —
останется лишь груда кирпичей,
Эх! Это не Версаль, но кто же наши муки понимает.

А где достать подвески – тем уж триста лет.
И это срок, кто этого не знает,
Но Швеция спасла, нашел, красавица – привет
Все сорок нужного размера, пусть блистает.

Я в поисках оригинала голову расшиб,
По двадцать евро заплатил за штуку,
Зато красавица со всеми пальчиками так блеснит,
«Эх Ванька, Васька, вас давно уж нет, вам это не наука!»

И вот опять отъезд, прощай наш шведский дом.
Опять в который раз с красавицы хрусталь снимают.
Маркирую подвески, чтоб не перепутать их потом
И в Австрию я и моя жена и люстра уезжают.

Вот там-то рай для люстры, просто рай такой
И Франция близка ей чудится воочью,
Как будто бы хрустальною мечтой
Все тридцать две свечи сияют на балу в Версале ночью.

Спасибо люстра, ты напоминаешь нам о том,
Что труд художника, его душа не умирает.
Чрез сотни лет свеча своим таинственным огнем,
Нам постоянно о бессмертии напоминает.

14.02.2010

Наши будни

Жене

Ну как проходит зимний день,
Проходит слава Богу по-немногу,
Мне 76-ой, ну кажется предел,
А все равно в заботах и тревогах.

Когда-то мне одна сказала так,
После шестидесяти у человека нет мечтаний,
Он как растение и не идет ему никак
Иметь желания – иметь мечтаний.

Как легковесно заявление звучит,
Безапелляционно сказанное ею.
Она не понимала, что и говорит,
Пусть доживет до этих лет, Бог с нею.

Встаю, но не легко, как раньше было, вот
Любимая моя жена со мною рядом,
А мыслей в голове не в проворот,
Как облачка бегут, но не во сне отрадном.

Года словно палач над головой,
Казнит нас время снегом осыпая,
Молюсь за женщину, которая со мной,
За женщину, которую уж пятьдесят я знаю.

И все равно я вижу в ней ту красоту,
В которую влюбился я когда-то,
Она мне украшает жизнь, поэтому живу,
Она со мною, не Ксантипою Сократа.

При всех грехах моих, любовь я к ней храню,
Она любовь мою навеки заслужила,
Она святая женщина и преданность свою
Мне без остатка в жизни подарила.

Когда встаю, молюсь за сына и жену,
Я Господа благодарю за день насущный,
Дать всем хорошим людям по добру,
И подбодрить меня в заботах сущих.

Затем почистить, дать еду коту,
Которого с женою любим мы безмерно,
Он умный, поумнее нас, и потому

Ему внимание оказываем непременно.

Похолодало, время растопить камин,
Подарит он тепло моей любимой,
Она берется за уничтожение морщин,
Борьба со старостью кусочком льда – долой морщины.

Затем уборка в доме – хватит на двоих,
Да завтрак приготовить – нужно время,
Затем немножко надо почесать язык,
Проблемы сына обсудить, ведь тоже бремя.

Он врач, и денежки идут большим трудом,
А тратит их налево и направо без раздумья,
И к сорока шести лишился он почти всего,
Ну половину бывшего, полпенсии – безумье.

Ругать нам стыдно сына-добряка,
Но страх – уйдем, а он останется без денег,
На обсуждение проблем уходит два часа,
А толку что ругать, ведь не бездельник.

Зато бездельнице-жене досталось все,
Полпенсии и содержание на годы,
Которые хватает ей на все про все,
А нам на старости душевные невзгоды.

Затем, если жена больна, готовлю ей обед,
Хотя обед тот ест она с опаской,
Невкусно, в этом тот секрет,
Что я спешу писать стихи, не до обеда, ясно.

Затем пишу стихи, зачем не знаю сам.
Быть может опыт жизненный влияет,
О смысле жизни, о любви, что Фрейд сказал,
Часа четыре писанина занимает.

Награда Божия за прошлые труды,
Которые всю жизнь меня с женой сопровождали.
Поверили мы в Бога – божьей красоты,
Которую на старость лет нам дал не забываем.

Сынок наш забывает заповедь, что чти отца и мать,
А это значит слушайся советов,
Которые единственно те люди могут дать,
Которые к нему в любви – одни на целом свете.

Эх, надо бы доубирать, а сил тех прежних нет,
Их операции тяжелые, года отняли,

Уборку пылесосом начинать, аж нет,
Пыхчу, а надо, чистоту все время соблюдаем.

Закончено, ну время нам поговорить,
И в книжке почитать чего не знали,
А после ужина камин топить,
Чтоб вечер и в тепле и без печали.

Поговорить всегда нам есть о чем,
Ну посмотрите все подорожало,
А пенсия то прежняя, правительству все нипочем,
Что за услуги и лекарства платим мы немало.

Не понимают наверху, что рубят сук,
Тот на который сели так уютно,
Ведь сами станут старыми, услышат стук,
Своих костей, ох будет неприютно.

Ну, почему не сделать скидку старикам.
На транспорт, на лекарства, ведь не обеднеют,
Не могут, денежки ведь не пойдут в карман,
А по-другому воры не умеют.

Ну ладно, с Божьей помощью святой,
Ведь в жизни не такое мы видали,
Хлеб есть, над головою потолок сухой,
Уют домашний, мы работою создали.

Вот вечер наступил, у телевизора сидим,
Так редко что-то ценное, убийства, делать что не знаем,
Насилие, порнуха, весь сюжет один.
Чтоб душу разложить, зачем, мы понимаем.

Они-то знают наверху, зачем все так.
Затем, поуправлять-то легче дураками,
Чем умными, он ведь не такой простак,
Что слушает и хлопает ушами.

Как жаль, что раньше мы от Бога были вдалеке,
В России заповедям не учили,
А с возрастом мы к Богу подошли,
И двери замкнутые от сердец ему открыли.

Какая радость, счастье мы уж не вдвоем,
Без Бога сколько мы ошибок совершили.
По жизни мы теперь втроем идем,
Не осуди нас Господи в своей господней силе.

Позволь достойно место нам занять,

В той бесконечной дали, где в туманах,
Придется нам когда-нибудь перед тобой предстать,
Где жизненных нет миражей и жизненных обманов.

15.02.2010

P. S. Ну что ж, за просто так, в другую жизнь мы не уйдем
Пока живем, мы позаботимся о сыне,
Быть может книжки напечатают потом,
И миражом тревоги наши все пройдут отныне.

Кончилась война. Феникс, возрожденный из пепла. Русская солдатка – год после войны. Австрия – Вена. Вот она русская женщина – Елена Алексеевна Орлова. «Ветераны» – песня, посвященная ее памяти, которую написал ее внук Георг Фингер.

Неспетая песня «Ветераны»

Иосифу Кобзону

Москва – цветущий май в 2010-м
Наш юбилейный день Победы родился
Пред изумленными потомками далеким 45-м
Над павшим Злом фашистским поднялся.

Он многим среди оставшихся героев
Во снах является, как воплощенный Ад
Пылающий Берлин и павших море
Залитых кровью рвущихся вперед солдат.

Сжигал их в пепел полыхающий струею огнем,
Из дотов враг стреляет не переставая.
Без жалости строчащий пулемет
Их жизнь святую без промашки забирает.

Великий День, ушедший к Богу ввысь.
Великий День, принесший счастье и свободу.
Солдаты «Смертью смерть поправ» нам подарили Жизнь.
Как и Христос ее бесценную отдали своему народу.

И было решено задание такое дать
Которое прославит величайшую победу
Всех композиторов – поэтов по стране собрать
Да так, чтоб песню лучшую не пропустить при этом.

Семь тысяч конкурсантов в рвении скорей-скорей
Слагали музыку и вирши, пот со лба стирая.
И отдали жюри из замечательных людей
И те корпели, десять песен отбирая.

Состав жюри назначен был такой
России гордость в блеске славы
Тухманов, Пахмутова, Кончаловский и Крутой
И добавлять к их именам мне ничего не надо.

Давид! Одну из лучших сочинив,
«В душе у русского народа ты давно прославлен
Твой «День Победы» вечно будет жив
Он страстью сердца твоего ему подарен.

О, Александра! Вечный я поклонник твой
В тебе неоценимая цена заложена навеки
По «беловежской пуще» я брожу вдвоём с тобой

А музыка твоя душевный трепет вызывает в человеке.

А ты Крутой! В волшебной музыке твоей
На старость лет я просто отдыхаю,
И сколько песен отзывается в душе моей
Их слушаю и ими наслаждаюсь.

Я вижу поезд как из стали отлитой
По рельсам мощью непреодолимой пролетает:
– Андрей, спасибо, умный человек с хорошей головой
Твой гениальный фильм – он потрясает.

Пришла пора и надо десять песен отобрать
Из тысяч песен, созданных народом,
Героев уходящих вспомнить – к солнцу их поднять,
Чтоб песня полетела в свет – отмеченная Богом.

Но вот пришла нечаянно беда
Нет песен для героев – звуки тягомотные звучали.
Зачем вы уши ватой заткнули господу?
Ну, почему такую песню вы зарезали, не отобрали?

При исполнении песни в Аусгбурге плакал ветеран
В Израиле, я видел, ветеранов строй заплакал.
На песне проба высшая от бередящих ран
Которой оценили песню русские солдаты.

Героям нашим так необходим адреналин
Чтоб песня звуком память обновила
Чтоб ветеран помолодел – ожил
Чтоб появился блеск в глазах, чтоб песня душу захватила.

Чтоб эту песню с гордостью старик запел
И жизнь его, она на старости согрела
После «Тухманова» такую вот никто и не посмел
Ребята! Постыдитесь! Сделали плохое дело.

Какой же вред непоправимый нанесен
Из конъюнктурных мелочных соображений
Наш ветеран был вами юности лишен
В которой жил в минуты тягостных сражений.

Война. Война. Зачем же юности расцвет
Уничтожаешь беспощадно и упрямо
Ведь юношам всего лишь 18–20 лет
А ты их вырываешь из семьи от мамы.

А возраста нежнейший яблоневого цвет
Он не опавший желтый лист седого ветерана

Он не познал любви и поцелуя не было и нет
Ее и не повстречал солдатик – было рано.

Короткий свист и пули поцелуй
Им прямо в лоб и без предупреждения
И все. И боли не было, горюй или тоскуй,
Хотя солдат не в боли умер, а в одно мгновенье.

«Что Бог не делает» – то это к лучшему всегда
В больницах не валяться старым – на пределе
Ведь жизнь и в девяносто лет так коротка,
Так хочется еще пожить на самом деле.

Я часто среди тусклой суеты тянущегося дня,
Подумываю, а не лучше б с пулеметом
Под сотню грамм на амбразуру броситься, друзья,
И в небо ястребом в стремительном полете.

Вот Ветеран в больнице умирал при мне.
О, Боже мой, за что такая мука?
Уж лучше пулю в лоб там на войне,
Чем одному на койке да без сына и без внука.

Все некогда, спешат ведь по своим делам
И навещать тоскливо и зачем себя печалить.
Скорее к женам, детям и домам.
Зачем под эту грусть себя подставить?

Нет, не хочу я так, хочу на дот вперед,
Хотя Войну всем сердцем ненавижу.
Я не хочу войны – хочу наоборот,
Но без нее – мгновенной смерти я не вижу.

Не можешь самовольно ты уйти —
Такая смерть запрещена и не угодна богу.
Но если Родину ты защищаешь – это по пути
Со смертью-матерью осилишь дальнюю дорогу.

Глаза у стариков наполнились слезами,
Когда Тухманов прозвучал, и Ножкин пел,
А при других такое равнодушие видел я глазами,
Слезы я по морщинистой щеке не углядел.

Та песня ведь недели три была у Вас в руках.
Георгий Фингер из Германии прислал, и Миндабаева была поэтом.
И Лавинчук ее пропел, вот так-то милые друзья – не так?
Ну, почему? Вы стариков не обогрели песни теплым светом?

Какой дурак отобранные песни будет петь

Их не запомнить с сотенного разу
Уж лучше с пулеметом в бое пропотеть
Чем слушать эту музыкально-детскую забаву.

Ну может быть междусобойчик отойдет и отомрет
А личные пристрастия тихонечко в сторонку
Ведь вы великие и Ваша слава не умрет
И песню ту на 66-й пошлете вместо тех плохих вдогонку.

Хотя была хорошая и честная правдивая одна
Дементьева слова – Кобзоном спета
Как «Во поле березонька» она была,
Хоть и одна, да солнышком души была согрета.

Ведь песня всем нужна и дорога,
Когда услышал раз, и вот она с тобою.
Так подарите Ветеранам песню честную, пока
Они живут и слышат, уходя из жизненного боя.

Я плачу, юбилей прошел, а песня так была нужна,
Как воздуха глоток после Тухмановской победы.
А вы ее зарезали – не стыдно, господа!
Не прозвучала по России песня та ко дню Победы!

PS. Песню «Ветераны» сочинил мой сын доктор Георг Фингер. Германия. Слова поэта Миндабаевой, Россия. Спел Лавинчук, Россия. Дорогой Иосиф Давыдович! Спойте эту песню. Лучше Вас это никто не споеет! Спасибо.

*Как бежит время. Моя жена с внучкой Юлечкой. Потом придет вторая – Ксюшенъка.
Фото 1994 г.*

Пожелание – жене

Судьба – не отбирай у женщины года,
Оставь ее навечно молодою,
Праксителя творением Венерой навсегда,
Из пены, выходящею из моря.

О, Время, не бросай морщинок на лицо,
Пусть поражает красотой цветущей.
Любви бессмертной обручальное кольцо,
Пусть женщин окружает среди райских кушей.

Судьба не отнимай у женщин красоты,
И не дари с годами им старенье,

А ты, мужчина, женщину щади,
Чтоб жизнь была их вечным воскресеньем.

Мужчина, ты щади их бытие,
Люби, балуй и делай им подарки,
Ведь многие из них заслуживают то,
Чтоб на коленях им читать сонеты из Петрарки.

Таких, поверь мне, очень много есть,
Как и цветов среди пырея в разнотравьи,
Они цветут и их не перечесть,
Тех, что дарят любовь и пониманье.

Мужчин – своих детей ведь женщина хранит,
Хранит их как свою зеницу ока,
И под защитой нежнейших женских крыл,
Мужчине никогда не будет одиноко.

Она желает, чтобы воцарился мир,
Ведь для него она детей рождает,
И Бог святой, единственный кумир,
Пусть по жизни их сопровождает.

В минуте жизни каждый миг цени,
В котором с женщиной ты проживаешь,
Мужчина! Ты грехов по жизни не тащи,
Замаливай скорее их, так женщина желает.

Ведь если старится любимая жена,
Наверняка состарится быстрее муж любимый,
Сердечной боли он не выдержит тогда,
Уйдет в далекий мир необратимый.

Так пусть восторжествует вечная любовь,
Которую лишь женщины нам дарят.

Мы только тело, женщины в нас кровь,
Так было, будет, так Господь желает.

Вот Боттичелли, Рубенс, Леонардо и Коро,
Там Рафаэль и Микельанджело Буаиоротти,
Курбе, Пикассо рисовали женское лицо,
Красавицы головку милой в повороте.

Но всех художников не перечесть,
Как и не перечесть поэтов нам известных,
Они оставили нам сонм стихов,
Очаровательные образы красавиц, в мир иной ушедших.

17.02.2010

Хочу вернуться

Ну как вернуться мне к тому порогу,
Который часто вижу я в мечтах и снах,
И до сих пор он снится мне и слава Богу,
Мне запахи родительского дома не позабыть никак.

Мой милый старый дом с косою ставней,
Где половица пересохшая скрипит,
Когда-то скатерть, вышитая мамой,
Все здесь о прошлом тихо говорит.

Потертый заяц затаился за кроватью,
Над ней косая полка с книгами висит,
Ну, неужели здесь стою опять я,
Где все о детстве нежном говорит.

В сенях ведро покрытое доскою,
И кружка погнутая наверху стоит,
В окошке речка с тихою волною,
Которая, как в детстве, прежняя изгибисто бежит.

Бежит она, теперь уже не вспомнит
О брызгах вечной детской кутерьмы,
Как быстро все прошло, но может мне напомнит
Дни детства моего, во взрослости тюрьмы.

Где незабвенные девчонки и мальчишки,
Те, для которых жизнь радостью цвела.
Они уж далеко, наверно, только в книжке,
Прочесть мы можем, чем та жизнь была.

О, теплая волна, той речки детской,
Даришь воспоминания, что не исчезли, не прошли,
Игрою вечною воображения чудесной,
Которая нас не оставит никогда на жизненном пути.

Вернись, вернись волна воспоминаний,
И голос мамы возврати мне издали,
Чтоб снова стали мы детьми тем утром ранним,
Когда поют над речкой соловьи.

Ведь эта речка, что из детства,
Нас привела внезапно к устью, где она
Вдруг кончилась и влилась в неизвестность,
В которой есть предел, и к Богу там видна тропа.

19.02.2010

Угрызения совести

Волшебное сияние волшебницы-луны,
Неаполя огни вдали мерцают,
И лодочка с женой в шептании волны,
Тихонько надо мною проплывает.

И почему же с сыном я под лодочкою той,
«Охота, – говорят, – всегда пуще неволи»,
Здесь с нами фонари, винтовочка-убой.
Чтоб рыбы настрелять на Средиземном море.

Таинственный залив – таинственная ночь,
И свод небес, брильянтами сверкавший,
Волнение в душе и просто нам не в мочь,
Увидеть под водой тот мир прекрасный.

Забыл я о переживаниях моей жены,
В той уютной лодочке в волнении сидящей,
Стремился я в ночную глубину воды,
Где лампа мне осветит круг блестящий.

Нырнул, светло от фонаря вокруг,
Песок блестит под ярким светом,
И в водорослях разноцветных вижу вдруг,
У камушка мурену с осьминогом,
весело играющих при этом.

Он тихо щупальцем мурену задевал,
Она покусывала своего дружка тихонько,
А щупальцем другим подругу нежно обнимал,
Касаясь морды страшной нежно, ну и только.

Затем они играли и кружились по песку,
Взлетали вверх песчинки, оседая

Под лампой в этом солнечном кругу,
В ребячей той игре беды не ожидая.

И вдруг ворвалась смерть и как всегда,
Смерть ненавистна Богу, и она необратима,
Прервала детскую игру бесповоротно навсегда,
Любовь и дружбу меж друзьями прекратила.

И в свете ярком том пружиной обвилась.
Вокруг стрелы нацеленной смертельной,
Мурена закусила сталь, так прервалась

Та детская игра за прихотью бездельной.

Прошли десятки лет, страдаю я,
Ведь пустячок, животные играли,
Они играли, проиграла совесть у меня,
А как ее очистить от греха, они не подсказали.

Водоплавки. Водомерки

Тот случай не забуду никогда,
Разок рыбачил я на озере чудесном.
Вдруг водомерок появилась семья,
Скользя по зеркалу воды из зарослей прибрежных.

Большие взрослые все побежали по своим делам,
А малыши все сотней в круг собрались,
И в изумлении мои глаза
Тем, что увидел я, так долго наслаждались.

Какое насекомое, как посуху проходит по воде,
Скользит по зеркалу воды, его не прогибая.

Ведь для других угроза утонуть – там смерть везде,
Они же – как Иисус Христос по той воде, ее не задевая.

Увидел я, как малыши гонялись наперегонки,
Но круг очерченный игрой почти не покидали,
Я понял, что они совсем не дураки,
О том, что по отдельности беда, ну как-то знали.

Бывало, пара ребят из круга вырывалась вдруг,
Поодаль от друзей друг друга догоняли и дразнились,
Сцеплялись и толкались и обратно в круг,
Пока опять к друзьям не возвратились.

Средь этой насекомой детворы
Привычки детские вдруг проявились,
Они играли так же, как и мы,
В том милом детстве, что в туманах растворилось.

Вдруг дождик, ветерок, и солнышко ушло.
И детский сад исчез, как не бывало.
Не верилось, что мне так повезло,
И я увидел этот случай небывалый.

Как жалко, что я видео с собой не взял,
Чудесный случай я не снял, обидно.
Невероятное тогда почувствовал и увидел,
Ребячьи игры, детство в насекомых – это было очевидно.

Так сбережем мы память детства – Божий дар
Тех дней беспечных радостных, веселых,
Оно так коротко проходит быстро, как пожар,
Оно так одинаково и у людей, и насекомых.

20.02.2010

Щепка

Далекая звезда в мерцании своем,
Быть может, мне ответ подскажешь,
Ну, почему по круговерти жизни щепкой мы плывем,
Когда бы кораблем хотелось плыть, а как – не знаем.

Чтоб без шатаний вкривь и вкось
Я гостем по земле прошел родимой,
Потом звезда к тебе, где я уже не гость,
В том вечном странствии необъяснимом.

Я на земле хочу оставить благодетельный посев,
Который дети, а потом и дети их детей получат,
Хороший урожай, а не «плевел» отсев,
Дорогу, пройденную мной, они озвучат.

Озвучат благодарностью иль памятью своей,
Чтобы труды мои вдруг не исчезли понапрасну,
Для этого растим мы сыновей и дочерей,
И делаем мы все, чтоб сделать жизнь прекрасной.

И пусть благословенны будут семена,
Которые отцы и матери сажают,
Приходит время, и потомки их святыя имена
С слезами благодарности нередко вспоминают.

Наверно, стоит наша жизнь того,
Чтоб щепочкой она нас вверх и вниз бросала,
Наверно, в этом мудрость – щепкой лучше быть,
Чем топляком лежать на дне Байкала.

22.02.2010

Ирония жизни

О, жизнь, ты иногда своим крылом
Нас в небеса и к солнцу поднимаешь.
Бывает, что камнем нас вдвоем
Ты без пощады вниз бросаешь.

И что за прихоти и что за чудеса,
Так хочется, чтоб жизнь как моря гладь блестела,
Чтоб был покой и чайкой в небеса,
Душа счастливая у нас летела.

Не хочет: вверх и вниз бросает вдруг,
И моря гладь уже не гладь, волной бушует,
И о себе подумать просто недосуг,
Тревоги душу гложут и волнуют.

За белой полосой жизни черная ползет,
Так долго, беспощадно нас не отпуская,
За нею белая, короткая идет,
Вся жизнь меняется, за переменами не успевая.

Все как в природе – время перемен,
Весеннее шептание весны вдруг на мороз сменяет,
Вот так и жизнь она течением времен
Долины меж горами пробивает.

А может прихотью своей любовь разбить,
На ветке сломанной не расцветает почка,
Захочет, все надежды может всё убить,
Ведь дети не родятся без надежды и любви. Все. Точка.

Ведь точка означает и начало, и конец.
И жизнь, и смерть идут от этой точки.
Невеста в белом платье под венец,
Иль слезы горькие вдовы на свежем бугорчке.

Ты, жизнь, бываешь словно как постель,
Осыпанная розы ароматнейшими лепестками,
А иногда холодной и колючей, как метель,
И можешь быть постелью с острыми гвоздями.

Вот так устроен мир – хоть смейся ты, хоть в крик,
И в нем живем и трудимся – он так устроен Богом,
В нём радость от печали отделяет только миг,
В унынии нельзя идти указанной дорогой.

И мы в унынии не пойдем, и точку ту отсчета позади
До точки впереди, которую не знаем,
Пройдем со светом в Вере и Любви,
И с иронической улыбкой с Жизнью поиграем.

23.02.2010

Признание в любви

Влюблен я в вас, и это очевидно,
Я этим чувством дорожу как никогда,
Признаться вам в любви не стыдно,
Когда смотрю я в ваши с поволокою глаза.

Как я хочу в любви своей признаться,
Но, к сожалению, я вижу вас в кино,
Актрисе можно в страсти поклоняться,
Но из картины на свидание позвать мне не дано.

Ну, и пускай, достану копию картины,
И буду день и ночь смотреть ее с экрана на стене
И буду страсть мою делить наполовину,
Любовь мою поглаживая нежно по спине.

25.02.2010

Звучание романса

Романс – звучание твое так заставляет волноваться.
Гостиная и в полутьме, подсвеченной огнем,
Не замечают гости времени и продолжают наслаждаться.
В бессмертной музыке романса мы растворяемся вдвоем.

Рояля голос раздастся сладкозвучный,
И трепет, и волненье сердца слышатся внутри,
Романс в нас будит чувства жизни предыдущей,
Которые, казалось бы, уснули, растворились где-то позади.

Вдруг запахи весны зимою возвратились,
И ветерком игривым свежим бьют в тот миг святой,
И словно вдруг в вишневый сад калитка отворилась.
За нею девушка в накидке кружевной.

И слов таких и нет, ну, нет их, без сомненья,
Очарование души словами невозможно описать,
То волшебство романса, то мгновенье,
Возможно только музыкой романса передать.

Звучи романс и в вечном одухотвореньи,
В усталом сердце слышу вновь и вновь,
Я Пушкина бессмертное стихотворенье,
В котором вечные слова: «и жизнь, и слезы, и любовь».

25.02.2010

Облака воспоминаний

Таинственные образы в таинственной ночи
Проходят предо мною цепью и такой необратимой,
Как будто говорят со мной в тиши
Воспоминанья о дорогах жизни длинной.

И каждый образ, что как облачко плывет,
Бледней – не в красках тех, что был когда-то,
Не занимает много времени, совсем наоборот,
Так быстро в прошлое уходит он куда-то.

То дом родимый встанет вдруг передо мной,
То мамино любимое лицо издалика я вижу,
То вдруг дворовые друзья опять со мной,
То я с горы зимой на самодельных лыжах.

То милый образ девочки, в которую я был влюблен,
То патефон, на подоконнике звучащий,
О, образы любимые прошедших тех времен,
Почаще навещайте в жизни предстоящей.

Летите вы в воспоминаниях, как облачка,
И душу грейте мне теплом далеким.
Вы мною прожиты, и вами наслаждаюсь я,
И с вами я не буду одиноким.

Зима, война и предрассветные холодные года,
Перед киоском за газетами голодный люд я вижу,
Купить, перепродать, затем, быть может, и еда,
Вот эти времена,
летящие передо мной я ненавижу.

Когда же образы вздымают душу ввысь,
Волною всколыхнув мои воспоминанья,
Я счастлив, снова молод я, душою чист,
Я слышу трели соловьев из полуранья.

28.02.2010

Льстивые слова

Ах! Не шепчите мне, что любите безмерно.
Безмерно льстите мне, неправду говоря.
Неправда под одеждой лести неизменно
Губительною незаметной ложью выдает себя.

Скрываете вы то, что и скрывать не надо,
Что видно наяву, что невозможно скрыть.
Любить вам не дано, любовь для вас забава,
Вы притворяетесь, что можете любить.

Не надо солнце закрывать туманом,
Наивность светлую души уничтожать.
И притворяться, что опутаны любви дурманом,
И лживые слова в одежду правды одевать.

А если это так, то будьте осторожны.
Вернуться к вам обратно льстивые слова,
Ведь вам познать любовь уж будет невозможно,
И вас неправдою накажет жизнь сама.

В неправде вам прожить, наверное, придется,
При солнце, но во тьме, при звуках в глухоте,
И счастье, что дарит любовь к вам, не вернется,
Не видеть вам любви ни в яви, ни во сне.

Мой милый лжец, так дальше продолжайте,
Вы лживостью играть, жестокостью шутить,

Я вас прошу, пожалуйста, не забывайте,
Красавицы рассерженные могут вас убить.

Ах! Не играйте льстивыми словами,
И сами не обманывайтесь – вот тогда
Ваш лживости порок исчезнет, как в тумане,
Вот мой совет, «адыю», прощайте навсегда.

01.03.2010

А. Керн

Я не забуду необыкновенный день, когда
«Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась»,
Шуршала под ногой осенняя листва,
И лето к осени тихонько собиралось.

И солнышко последние несмелые лучи
Через листву в подлесок набросало,
Я шел с мальчишками в поход в лесной тиши,
Лишь пенье птиц покой тот нарушало.

Мы шли в надежде место лучшее найти,
Ночлег желанный, отдохнуть, была усталость.
Стремилась к речке, что бежала впереди,
Казалось до нее дойти – такая малость.

И вдруг на чем-то гладком подскользнулся я,
И растянулся на земле, но не землей то было.
Плита кладбищенская подо мной была,
На четверть из земли плита та выходила.

Я поражен был надписью на той плите,
«А. Керн» потертой гравировкою на ней стояло,
В висках вдруг запульсировала кровь во мне,
Не верилось, что мне увидеть предстояло.

В. А. Нащокина

Н.Н.Пушкина-Гончарова

А. О. Смирнова-Россет

Женищины, обожавшие А.С.Пушкина

О, Боже мой, «Я помню чудное мгновенье»¹⁰
В затерянном лесу явилось вдруг передо мной.
Написанное гением стихотворенье,
Явилось в яви вдруг – я не был сам собой.

Я растерялся, мысленно не мог собраться,
В заброшенном лесу – и вдруг она.
Не может красота в забвеньи затеряться,
Ей в Пантеоне место, там лежать должна.

Стих о красавице, шедевр неповторимый,
Весь смысл жизни нашей в нем любовь,
В нем гений выразил влечение к той красоте неотразимой,
Которая в веках волнует нашу кровь.

¹⁰ А.С.Пушкин

Стоял я в платоническом влеченье,
Ведь под плитой кладбищенской была она,
Прожег мне сердце смысл стихотворенья,
Потряс до основания, и в этом не моя вина.

Плита кладбищенская, горькая моя,
Как не хотелось бы мне встретиться с тобою,
Но та, с которою я встретился тогда,
Пусть опять лежит передо мною.

О, Гений, восемьдесят лет она лежала там в тиши,
Одарен я строкой бессмертного стихотворенья.
Во мне поют твои чудесные стихи
О женщине, которая тебе дала любовь и вдохновенье.

О, лес таинственный, ты вырос в строевой,
Тебя мне не найти теперь, я это знаю.

Ну, спи красавица в тиши, поэт ведь твой,
Тебя воспел навеки он, но почему плита в лесу, не понимаю.

Р. S. Сегодня до печальной правды я добрался,
К последнему упокою А.Керн в Тверскую повезли,
Но под деревнею Прутки возок сломался,
И там ее я встретил на своем пути.

03.03.2010

В поход

В поход, хочу в поход, туда душа стремится,
«Но видит око зуб неймет», зима еще зима,
Она хоть на исходе – не поет синица,
И ледохода нет на речке – вот беда.

Невестами деревья в белом на снегу,
Как в хороводе девушки кружатся.
И солнца луч вытаивает на бегу,
Проталинки, где жизнь начнет уж скоро пробиваться.

Пробьется жизнь вдруг луговой травой,
Проснется разнотравьем и цветами,
И крот уж поднимает холмик свой,
Под голубыми радостными небесами.

Как робок первый поцелуй в круженье головы,
Так и робки попытки с холодом сражаться,
Зима не просто так задаром отдает свои дары,
И скорым наступлением весна не даст нам наслаждаться.

Еще блестят, искрятся брильянтами снега,
Но скоро-скоро в той летящей клином стае
Раздастся птичий клич, прощай, зима!
Весна, мы дома – больше нет печалей.

Закрыв глаза, мечтаю, когда первые ручьи
Проточат снег лежалый, выйдут на свободу,
И попрыгунчики, щебечущие воробы,
Вдруг затрепещут крылышками, опускаясь в воду.

В поход, скорей в поход, к чертям, к чертям.
Эх! Поскорей бы сбросить зимнюю одежду,
На разнотравье, на луга, да к соловьям по ивнякам,
Где выдаст мне весна в кредит надежду.

Кредитом тем воспользуюсь всюю,
Без остановки я помчусь в весны цветенье,
Готов я жизнь растратить в радостном бегу,
Чтобы в конце пути надеяться на воскресенье.

02.03.2010

Повозка жизни

Провиденье-провиденье,
Ты куда меня везешь,
Дней от светлых вдохновенья
Вдруг в пугающую ночь.

Не нужна мне тьма, ей Богу,
К счастью ты меня вези,
Повези такой дорогой,
К той, что в свете впереди.

Ты зачем неумолимым
Провиденьем названа,
Тащит непреодолимо
Жизнь-повозка в никуда.

Растрясла телега душу,
Да с осей колеса прочь,
Чтобы жизнь мою разрушить,
Сбросила с повозки в ночь.

Жизнь-телега с провиденьем,
Так связала вас судьба,
Как про вас в стихотворенье,
Крепко связаны слова.

В никуда я не поеду,
А поеду я туда,
Где с небес мне тихо светит
Путеводная звезда.

Подкую судьбу-лошадку,
Жизнь-повозку починю,
По дороге без оглядки
К свету с песней погоню.

03.03.2010

Мгновения любви

Дорогой жене

В залитом солнцем том счастливом дне,
В котором ты стояла предо мною,
Цвели сады, и неба свод тонул в голубизне,
Я счастлив был тогда, я был с тобою.

В волнении души слова я находил с трудом.
Слова какие-то случайно находились,
Я что-то говорил, мне кажется, ну, ни о чем,
В терзания и трепет вдруг минуты превратились.

Как день сменяет ночь в назначенном часу,
Так яркий солнца луч вдруг темноту сменяет,
И в нас возникшую волнующую пустоту
При взгляде при одном любовь все заполняет.

Как часто вспоминаю Пушкина я вновь и вновь.
Его стихов стремительную и живительную силу,
Которые страдающему сердцу дарят «жизнь и слезы, и любовь»¹¹.
Куда бы жизнь его не завела, не заносила.

Мгновенья те незабываемы до старости седин,
Когда в осеннем холоде мы пребываем,
Возрадуйся, они бесценны, с ними не один,
Вдвоем с воспоминаньями те дни мы коротаем.

Не избежать на свете никому любви сетей,
Все очень просто. Бог об этом знает.
Благословляя сверху всех своих детей,
Их на любовь от зарождения до смерти осуждает.

¹¹ А.С.Пушкин

Моя жена Риточка Фингер. Фото 1987 г.

Похвала лжи

Не буду «похвалу я глупости» писать,
Эразм Роттердамский написал в трактате.
Я лживость воспою в стихах, чтоб показать,
Всю сущность лжи, и что несет с собой в квадрате.

Какая сила и какая потрясающая наглость,
Скопилась вдруг в коротком слове «ложь».
Она является пред нами словно данность,
Как данность жуткая, та, от которой нас бросает в дрожь.

Наряд на лжи – ты только посмотри,
Из тканей тех, что завистью зовутся.
По платью вышиты узоры хитрости они —
По ткани так причудливо витиевато льются.

А поговички – пуговички так блестят,
Они покрыты лестью – просто золотые,
И блеском, застилая сущность, льстят,
Нам предлагая ценности другие.

Слова у лжи – монетки, словно серебро,
Сверкая льются серебристой речкой,
Поверишь тем словам, не кончится добром.
Окажешься ты где-нибудь, а в изголовье свечка.

Все дело в том, что человек по Богу должен жить,
Где белое есть белое, а черное навеки будет черным,
А ложь не будет с правдою дружить,
Она разрушит все трудом упорным.

Ложь не бывает одинокой, у нее подружки есть,
Они всегда втроем – ложь, лесь и зависть,
Всегда готовы уничтожить человека, разорить и съесть.
Их цель – все время делать всяческую пакость.

Пустые комплименты для подружек далеки,
Их цель конкретна и для нас всегда опасна.
Ведь человека разорить, а это у, к не пустяки,
Здесь надо поработать, и труды чтоб не пропали понапрасну.

И вот продуман план, ложь ложью лжет,
А зависть пробивает ей дорогу,
Для лести тоже много здесь забот,
Ей нужно в человеке притушить тревогу

А мы, как рыбы, лестью пойманные за губу,
Нам лестно так, что, наконец-то, оценили,
Как жалко – жизнь прожил, а непонятно дураку,
Его уже стальной цепью три подружки окрутили.

Добропорядочного семьянина уверяет ложь.
Что нет невинности на свете большей,
Полгорода любовью обслужила, ну, и все ж
Женой порядочной быть норовит, похоже.

Гордыня делает из человечества раба,
Гранитным основанием для лести, лжи и зависти являясь.
Отбрось гордыню из души и сердца навсегда,
И все четыре не подступятся к тебе – я это знаю.

Как интересно: все четыре женщины они.
В склонении «она» они не делимы.
Интуитивны и коварны, обольщением умны,
И с сотворенья мира никогда непобедимы.

Бессчетное количество людей в земле от лжи,
Бессчетное количество людей от лести умирало,
Бессчетное количество от зависти в «тот мир» ушли,
Бессчетное количество в гордыне погибало.

Хочу вооружить тебя, читатель дорогой,
От тех несчастий, что тебя подстерегают,
Ложь встретил, говори в лицо: «Ты лжешь», и уходи домой,
Чтобы дорожку лести пред тобой не расстилали.

Лесть повстречал, то говори ей льстивые слова!
И уходи ты от нее домой скорее,

Не потеряешь ничего, она тебя воспримет за льстеца,
Она поймет – тебя не обольстить, потерянное время.

А с завистью намного посложней – ее пожар гаси,
Немедленно то пламя погаси в душе бессмертной,
И будешь долго жить счастливо и в тиши,
А после смерти наслаждаться заповедью вечной.

С гордыней тоже сложно, встретил ты ее,
Запомни жизни путь – короткий смертный.
Не создавай себе кумиров ты ни из кого,
Кумир твой Бог, единственно бессмертный.

И меч завистника твою главу не усечет.
Зачем завидовать ему тебе напрасно,
Завистник повернется и уйдет, совсем уйдет.

Палат ведь у тебя нет каменных —
чего стараться понапрасну.

04.03.2010

Похвала зависти

О, Зависть, я тебя в стихах сегодня осужу.
Ведь это слово вызывает омерзенье.
Оно обозначает в человеке – «все хочу».
Отнимет все он у соседа без сомненья.

Высокая гора, средневековый замок на горе – там феодал,
Внизу под замком еле выживают люди,
А по соседству горка чуть повыше – ты ее наверное видал,
И замок помощней – все отниму и без прелюдий.

Война, дома разорены, повсюду льется кровь,
Там не щадят ни женщин ни детей – ей Богу,
Все для того, чтобы захватывать и вновь, и вновь,
Веками выстилать для зависти кровавую дорогу.

Далекая земля, которую не видел и во сне,
Но вера там другая, хоть земля землицей,
Тут надо католическую насадить, ну, почему не мне.
Все палестинскому народу оплачу сторицей.

Война и крестоносцы в Палестине,
Дворцы пылают, и кругом убитые лежат,
Но «гроб Господень» защищен отныне,
Плевать на мертвых, лежа пусть песок едят.

А результат той зависти – двадцатый век,
И в Палестине где католицизм? Такого и не знают,
Там палестинцев и евреев тьма, не сосчитаешь всех,
Они друг друга и сейчас без счета убивают.

Прошли года, а войн, которые от зависти не перечсть,
Миллионы матерей над гробом сына плачут.
А тем завистникам, что наверху – нужна победы честь.
Те слезы материнские, ну, ничего не значат.

Какой позор – Германия и Австрия двадцатый век,
Где Шиллера, Бетховена и Моцарта рожали,
Вдруг Гитлер – в зависти своей он недочеловек,
И эту зависть множество людей с ним разделяли.

Ну, мало им Германии и пол-Европы, да притом своей,
У них глаза гораздо шире горла.
Мы третий рейх построим для своих людей,
А остальные люди просто тошнотворны.

А результаты черной зависти – ну, подсчитай скорей,
Вон обгорелый труп аж в пятьдесят четыре года,
И трупы Геббельса, жены и шестерых детей,
Эх, зависть, порождаешь ты одни невзгоды.

Капрал на службе у Конвента двести лет назад,
Чего-то не хватало Франции, землицы мало,
Ведь зависть жабой душит – геополитический расклад,
Рванем на Петербург и на Москву – так надо.

Рванули, страшные морозы жрут куски от лошадей,
Вся армия погибла, бегство и конец ужасный,
И гибель сотен тысяч соплеменников своих людей,
Вот образ зависти нелепой и напрасной.

Желаю я тебе, сосед, когда глядишь через забор,
Чтобы тебя не посещали никогда завистливые грезы,
Чтобы сказали о тебе – был не завистлив, был он добр,
И с добрым словом о тебе вдруг появились слезы.

04.03.2010

Похвала гордыне

Не открывай, гордыня, дверь ко мне, прошу.
Клянусь я в гости не приму тебя на самом деле,
С тобой вдвоем я в абсолютном одиночестве умру,
Да под чужим забором, даже не в своей постели.

Гордыня думает: она умнее всех,
Гордыня осуждает все, на всех кивая,
Гордыня – это против Бога, это – смертный грех.
Гордыня – разрушение, и как же люди этого не понимают.

Гордыня никогда не слушает других,
И никогда нет у гордыни Бога,
«Я жизнь делаю сама, не надо мне других
Дурацких их советов, да еще в мою дорогу».

Я сам – хозяин жизни, а не Бог,
Мне опиум народа, ну, совсем не нужен,
Хозяин жизни – я, я сам себе помог,
Вот с Богом ты, а беден, болен и простужен.

«А я не болен, хоть без Бога и богат,
Имею все, о чем ты и мечтать не смеешь.
Эх! Тоже в бочке Диоген, Сократ,
Учить горазд, а больше ничего ты не умеешь».

Вот жизнь идет, живет в гордыне человек,
Но постепенно замечает, что-то тут неладно,
А что неладно, он не понимает, как на грех,
Что он живет без веры – на душе прохладно.

Ведь если ты гордыней вознесен,
То ставишь выше ты себя людей и Бога,
Ты потеряешь все, что нажил, будешь потрясен,
С гордыней в рубище отправишься в дорогу.

Но как же так, ну почему, ведь по закону жил,
Подумаешь – считал, что нету Бога.
Гордыня защитит меня, чтоб кто-нибудь не укусил,
Богатство не отнимут у меня, я всех порву у своего порога.

Воистину Господний путь он неисповедим,
И разорившийся гордец не понимает,
Ну, почему вдруг нет семьи, он гол, один,
Стоит в пыли дорожной, и никто ему не помогает.

А потому в гордыне всех он обсмеял,
Не понимал, не ощущал чужих страданий,
Гордынею руководим, он никому не помогал,
Христа распятого не видел ран и истязаний.

Наверняка такой теряет все – ему конец,
Гордец! Закрыта в рай тебе заветная лазейка,
Ты жизнь прожил, зазря «мудрец»,
И этому виной гордыня – ей цена копейка.

05.03.2010

Похвала лести

Елейным голосом шепчи приятные слова,
Которые, ну, так приятно слушать,
– Ты самый умный, ты единственный красавец у меня,
Совсем не лжец – ты самый прямодушный.

И в прямодушие свое поверил он,
Хоть он и лжец и проходимец от рожденья,
Что лесть враг искренности позабудет навсегда,
И позабудет, что на глаз кривой, в том нет сомненья.

Лесть существует тем, что впереди имеет цель,
Без цели льстить она тебе не будет,
И если что-то будет не по ней,
Она тебе гримасу скорчит и тебя забудет.

Забудет навсегда и матом обзовет,
И позабудет, что всего назад минуту льстила,
Еще и по лицу пощечин надает,
В полицию потащит, в ней такая сила.

Иль называя самым честным на земле,
Лесть не добившись цели, назовет сейчас же вором,
И за ухо тебя поволочет на смех людей,
Чтобы испачкать несмываемым позором.

С другой-то стороны, ну, кто тебя поднимет над землей,
Сказав, что ты известный, самый лучший тенор в мире,
Хотя ты нотки ни одной не пропоешь,
Ну, может быть наедине с собой в квартире.

Ну, Бог с ней, все-таки лесть лучше лжи.
В сравненьи с завистью не так опасна,
И слушать так приятно лесть, не чаяв в ней души,
Особенно по пьянке кажется она прекрасна.

Поэтому расправа с лестью в общем-то проста,
Ты или слушай, иль совсем не слушай.
Ты или слушай, льсти ей иль домой беги, душа,
Заткнувши ватой по дороге уши.

А вообще не надо заниматься в жизни кутерьмой,
Запомни: лесть – враг искренности, это понимаю.
Не льсти другим, всегда будь честным пред собой,
И встретишь сотню раз грозу в начале мая.

И вообще не слушай лесть зазря, не поддавайся ей,
А денежки в кармане целые останутся, ей Богу,
Ты искренность и честность встретишь у друзей,
И будет легкой светлой для тебя дорога.

Ты посмотри с какою льстивою улыбкою цыган
За той копеечкой протягивает вдруг ручонку,
Но ты за льстивою улыбкою почувствуешь обман,
Не дашь, и на лице цыгана злость, проклятия вдогонку.

Остерегайся лести, лжи и зависть с ней,
Гордыня тоже вместе с ними проживает,
Четыре эти сущности прекраснейших людей,
Частенько без зазрения совести уничтожают.

Мой дорогой читатель, с льстивым не дружи!
Ведь он наверняка когда-нибудь тебя обманет,
А лучше с искренностью сердце подели,
И на душе твоей намного легче станет.

05.03.2010

Птичий рынок

Дней светлых детства не забуду никогда,
Тех дней, когда я с Козяткиным сидел на задней парте.
Ну, что сказать, ведь в третьем классе были мы тогда,
Мы в пуговички резались, хотя с большой оглядкой.

Боялись, что училка с грозным взглядом, как всегда.
Упрется в Фингера и пуговички дорогие вдруг отнимет,
И нас склонения, спряжения и точки – тут беда,
Заставит выучить, из класса выгонит,
ну, что-нибудь предпримет.

Ну, вот и кончился зануднейший урок.
Мой друг сказал: «Пойдем ко мне домой, там доиграем».
Вприпрыжку побежали, отперли дверной замок,
И там я заразился страстью, сам того не зная.

Аквариум огромный на столе стоял.
Там через воду пузырьками воздух шел, вскипая.
Он в голубой воде среди зелени шуршал,
Таинственный, вокруг себя красивых рыбок собирая.

Мои любимые рыбки петушки тоже помогли нам выжить в послевоенное время. Я их много развел и продал.

Улитки с усиками медленно скользили по стеклу,
Рельефом горки из песка дно устилали,
Растения ветвились к лампам в высоту,
И гуппи оперением своим сияли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.